

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

ЛУЧШАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ ДРАМА

БЛАТНЫЕ ПСЫ

Владимир Колычев

Блатные псы

«ЭКСМО»

2015

Колычев В. Г.

Блатные псы / В. Г. Колычев — «Эксмо», 2015

Криминальный авторитет по прозвищу Лукомор держал в кулаке весь городок, используя крепкие связи в госструктурах, в том числе и в правоохранительных органах. Но, как говорится, «не все коту масленица». Предприниматель Никиткин вдруг решил прибрать к рукам бизнес Лукомора, причем действовал он нагло и быстро – благо за его спиной стояли влиятельные люди. Между дельцами началась настоящая война за передел власти. Никиткину удалось засадить Лукомора за решетку. Но не суждено ему было долго упиваться победой. Лукомор вышел на волю и начал мстить – жестоко и самозабвенно...

© Колычев В. Г., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Владимир Колычев

Блатные псы

© Колычев В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Глава 1

Гулкое эхо шагов разбредалось по сторонам, отражалось от длинных, выкрашенных серой масляной красой стен и брело дальше, протискиваясь между прутьями решетчатых перегородок. Немолодой мужчина с одутловатым лицом шел по тюремному коридору с достоинством бывалого, закаленного лагерными ветрами арестанта. Короткие, с проседью, волосы, маленькие, глубоко уходящие под надбровные дуги глаза, крепкая широкая переносица, мясистые ноздри, тяжелый волевой подбородок с жировой прослойкой под ним. Грузный, откормленный, походка тяжелая, косолапая. Лицо суровое, не улыбочливое, взгляд тяжелый, жесткий, сосредоточенный. Одет мужчина был в теплый флисовый костюм черного цвета с капюшоном, в одной руке держал свернутый в рулон матрас, в другой – спортивную сумку. В матрасе начинка – одеяло, подушка, белье, но он знал, как управляться с этой поклажей так, чтобы ничего не обронить.

Коридор длинный, шагать по нему и шагать, но для мужчины этот путь в неизвестность уже подходил к концу. Эхо шагов проскочило через решетчатую переборку, а он остановился и по отрывистой команде «контролера» повернулся лицом к стене. Ни одна черточка не дрогнула на его лице. Как будто какой-то бездушный механизм скомандовал ему, а не живой человек, на которого можно было обидеться, разозлиться. Худошавый парень с чешуйками перхоти на темно-сером воротнике форменной куртки открыл тяжелую железную дверь и с ехидной насмешкой глянул на мужчину, дескать, перед ним новичок свою внешнюю крутость продемонстрировал, теперь пусть сокамерникам покажет, чего он на самом деле стоит...

Арестант едва глянул на злорадствующего «контролера». Ему было безразлично, кто и что думает, и доказывать ничего не хотелось. Не в том он возрасте, чтобы метать бисер перед свиньями. Но в камеру в любом случае входить надо...

Стены в коридоре недавно покрасили, и здесь тоже пахло свежим ремонтом, но, помимо этого, давал о себе знать нужник за фанерной перегородкой. И еще в камере было сильно накурено. Дмитрий Андреевич Елецкий уже успел смириться с этими запахами, пока находился в изоляторе временного содержания. С его прошлым это было совсем нетрудно...

Камера представляла собой довольно-таки просторное помещение. В центре стоял стол с прикрепленными к нему скамейками, слева от него – шесть спальных мест, справа – четыре. Двухъярусные койки располагались торцом к высокому, наглухо зарешеченному окну. Вентиляцию в камере обеспечивали жестяные воздуховоды, судя по всему, недавно установленные. Под окном можно было примостить еще одну двухъярусную койку, но там висели железные ящики для вещей, выкрашенные в зеленый цвет. На этих ящиках стоял небольшой плазменный телевизор, слева от которого висела притороченная к стенке икона Божьей Матери.

Худой косматый мужчина в длинном растянутом свитере, сложив на груди руки, что-то беззвучно бормотал себе под нос перед иконой. Телевизор был включен, и косматый кому-то заслонял обзор, но никто его не одергивал, не гнал на место.

Небритый пучеглазый парень в черной вязаной шапочке, сидя на койке, читал книгу, прихлебывая горячий чай из желтой пластиковой кружки. Пожилой арестант с козлиной бородкой невидяще смотрел в телевизор, думая о чем-то своем. Судя по мечтательной улыбке, он находился сейчас где-то в райских куцах, из которых его не могло выдернуть появление какого-то там новичка. И парень с книгой вяло отреагировал на Елецкого.

Зато на него пристально посмотрел бородатый мужчина в черной тюбетейке с золотой каймой. Азиатский разрез глаз, широкий плоский нос, тонкие нитевидные губы. В правой руке мужчина держал четки и перебирал их двумя пальцами. Он сидел на краю скамейки, в двух шагах от новичка, и смотрел на него с хищной иронией. Любопытство в глазах наглое, насмешливое, но Елецкий не разглядел в его душе отчаянную смелость. Если это и агрессивная лич-

ность, то в меру, такие типы, как правило, в опасных для себя ситуациях не рискуют идти до конца. Дмитрий Андреевич посмотрел на него с осаживающим укором, и наглец не выдержал его взгляд, обернулся к сокамерникам, сидевшим за столом. Обернулся с насмешкой, за которой пытался скрыть смущение.

За столом сидели трое. У одного лысина во всю голову, второй обрит наголо, третий очень коротко пострижен. Овальные черепа, круглые лица, сдобные щеки, сытые, гладко выбритые подбородки с ямочками, четко очерченные губы – они казались родными братьями. На Елецкого они смотрели с затаенными улыбками, как будто он собирался сфотографировать их всех для истории.

Внушительные на вид ребята, плотного телосложения. Но не качки. Черты лица не мягкие, но и жесткостью не отличались. На новичка они смотрели с благодушной снисходительностью.

– Кто за хатой смотрит? – спокойно, даже нехотя спросил Елецкий.

– Ну, я здесь за старшего, – нахмурился самый старший и крупный из троицы.

Елецкий кивнул. Именно на этого мужчину он и смотрел, обращаясь ко всем. Не ошибся... И статус этого типа определил. Из мужиков «сиделец», фраер. Ну, не похож он на блатного. И его дружки такие же случайные люди, волею судьбы заброшенные на тюремные нары. Таких на «крытых» много, можно сказать, большинство.

– Зовут как?

– Кислый. А что такое? – нахохлился «смотрящий». Он здесь вопросы должен задавать, а ему тут викторину навязывают.

– Дмитрий Андреевич меня зовут. Сто пятую шьют... Место мне нужно.

Елецкий бросил взгляд в глубину камеры, но Кислый показал ему на койки с левой стороны от стола. Свободными были три места – самые близкие к нужнику.

Дмитрий Андреевич покачал головой. Вышел он из того возраста, чтобы «смотреть» за камерой. Он и обычным пассажиром готов проехать по маршруту следствия до суда, до обвинительного или оправдательного приговора. Не метит он на место Кислового, ему бы прилечь, отдохнуть после этапа. Но беда, что нельзя ему ложиться возле параша.

– Не уважаешь ты старика, Кислый, – с осуждением сказал он.

– А что не так, Дмитрий Андреевич? – спросил «смотрящий» со снисходительностью, с которой молодой и наглый обычно обращается к старому и немощному.

– Мне бы к «баяну» поближе, – кивком показал на батарею парового отопления под правым окном Елецкий.

– Извини, старик, блатные места уже заняты... Да и какой ты старик, Дмитрий Андреевич? Хорошо выглядишь...

– А кто здесь блатной? – усмехнулся Елецкий.

– Я не понял, мужик, ты что, нарываешься? – без особого желания нагнетать обстановку спросил круглолицый из свиты Кислового.

И Дмитрий Андреевич не хотел обострять ситуацию, поэтому сохранял полное спокойствие.

– Я не мужик, я в законе.

– В смысле, в законе? – встрепенулся бородатый в тубетейке.

Елецкий уничтожающе глянул на него. Какой еще может быть смысл у титула, которым его когда-то наделила высшая воровская власть? Давно это было, еще союзный сход короновал. Много воды с тех пор утекло, и сама корона сильно потускнела, и враги есть, которые отказываются признавать его право на высший сан, но все-таки Лукомор как был, так и остался законным вором. И пусть только кто-нибудь попробует оспорить его титул...

– В смысле, вор в законе? – оторопело спросил Кислый.

– В смысле, законный вор, – отчеканил Елецкий и жестко усмехнулся, глянув на него. На пальце у него была выколота белая корона с исходящими от нее лучами. Но Кислый даже не заметил этот перстень. Да и зачем ему выискивать такие нюансы, если он не разбирается в лагерных наколках? И звезды под ключицами у Лукомора выколоты, но не раздеваться же перед каким-то фраером...

Кислый молча освободил для вора свое место, сам перебрался на второе по значимости. И никто даже не посмел ему возразить. Только бородач с четками нехорошо глянул на «смотрящего». Но у него была на то причина, его из-за вора сместили с хорошего места...

Цепким опытным взглядом Лукомор выделил из прочих арестантов человека, слабого морально и физически, он мог бы надавить на него, взять к себе в услужение, но делать этого не стал. Сам раскатал матрас, постелил себе, лег, закинув руки под затылок, и закрыл глаза. Намаялся он, устал, отдохнуть нужно, собраться с мыслями. И обстановка располагала. Даже хорошо, что вокруг фраера, перед которыми совсем необязательно распускать хвост, что-то доказывать, объяснять. В блатной компании мало назваться груздем, нужно еще быть своим в общей корзине, держать себя в статусе, четко придерживаться законов и понятий. Одним словом, нужно работать «на публику», держать себя в рамках, что требовало напряжения умственных и физических сил. Одно неверное движение, неправильно сказанное слово, и покатишься авторитет вниз под горку, прямиком к «опущенным».

А если еще знающий человек в блаткомитете найдется, как объяснить ему, что Лукомор класть хотел на Чапеля и Беловика, которые когда-то лишили его воровского сана? Сами собрали на сход каких-то «левых» воров, сами вынесли решение. Уважаемые воры осудили такое постановление, у Чапеля и Беловика возникли серьезные проблемы, на какое-то время они даже исчезли. Правда, потом снова всплыли, но воду больше не мутили и воровскую корону с Лукомора не снимали. Корону, которую он фактически водрузил на себя сам.

Да, уважаемые воры осудили Чапеля и Беловика, но утраченный сан Лукомору не вернули. Дескать, зачем возвращать то, чего как бы и не лишали?.. Лукомор продолжал считать себя законным вором, и в принципе никто против этого не возражал. Но полномочиями его не наделяли, на положение не ставили. Может, Чапель и Беловик неправильно себя повели, но Митя Лукомор, как ни крути, нарушал воровские заповеди – банду самолично возглавил, коммерцией занялся, целый город под себя взял. Почти пятнадцать лет он смотрит за Бочаровом, там он и царь, и бог, и воровской начальник. Свои дела у него там, и никто ничего... Более того, воры время от времени обращаются за помощью. Если надо кого-то пригреть, без проблем. На «общак» отстегнуть – всегда пожалуйста. И свой «общак» у него есть – на все зоны, в которых он срок мотал, «грев» идет... Но ни к какому воровскому клану он при этом не принадлежит, ни в больших сходах не участвует, ни в малых. Сам по себе он. С неопределенным статусом, сам по себе... Может, и не подтвердится его статус, если к делу подойти серьезно, но кто посмеет назвать его сухарем, вором-самозванцем? Он же любому в глотку вцепится...

А ситуация такая, что вскоре, возможно, только на свои зубы и придется рассчитывать. Неважные у него дела. Текущий момент размывает почву под ногами – и сам Лукомор шатается, и фундамент, на котором стоит его бизнес, плывет. Вроде бы и говорят, что переименование милиции в полицию не имеет никакого смысла, а для него это событие стало знаковым. С тех пор и начались его беды...

Хотя нет, началось все в две тысячи четвертом году. Шестнадцатого июля он убил свою молодую жену, задушил ее – как Отелло Дездемону. Задушил за измену, которой фактически не было... А может, это началось еще раньше, когда он впервые убил человека? На этапе это случилось, на Казанской пересылке, молодым он тогда был, злым, зубами выгрызал место под солнцем, ножом вырезал. Он всадил заточку в печень своему врагу и дико хохотал, глядя, как стекленеют его глаза. Человек умирал, а он радовался... В лагерях он разучился ценить человеческую жизнь, на волю вышел зверем. Он убивал, когда ставил свою власть в Бочарове,

поднимал и развивал бизнес. Но тогда он поднимал руку на опасных людей, на тех, кто мог убить его самого. А Кристина была безобидной овечкой, и он повел себя с ней как бешеный волк. Он безумно радовался, когда убил впервые, а над трупом Кристины рвал на себе волосы от горя, рыдал. И лил он тогда отнюдь не крокодиловы слезы. Он жестоко раскаивался в содеянном, но к ментам на исповедь не пошел. Труп Кристины увез Штрих, он же кремировал его в кочегарке. Прошло шесть с лишним лет с тех пор, Лукомор перестал оплакивать жену, спокойно растил дочерей от брака с ней. Убийство это поросло быльем, но срок давности, увы, не истек. Полицейские взяли за жабры кочегара, тот вспомнил про Штриха, а дальше – пошло-поехало.

Майор Одинцов получил постановление на арест гражданина Елецкого, но взять его не смог. Лукомор вовремя получил весточку от своего адвоката и отправился в Малиновку, где у него находился тайный дом. Но по пути к этому «схрону» он подхватил заразу. Вышел, чтобы сменить номера на машине, увидел девчонку, которая сидела на остановке. Он не собирався брать ее с собой, но она каким-то образом вдруг оказалась рядом на пассажирском сиденье. Она так смотрела на него, что язык развязался сам по себе. Сначала он покаялся перед ней, а потом явился с повинной в полицию. Майор Одинцов принял его исповедь, но грехи не отпустил. Грехи привели его сюда, в эту камеру.

Одинцов – тот еще волкодав. И отчество у него Львович, и внешне он похож на царя зверей. Крепкая голова, широкая, как у льва, переносица, тигриные глаза – вкрадчивые, умные, опасные. Нос у мента с горбинкой, может, именно поэтому в его облике было что-то ястребиное. Одним словом, хищный он зверь. И опасный. А еще нюх у него, сколько раз братва пыталась его наказать, а он жив и здоров. Хотя, возможно, еще «простудится» – на похоронах у Лукомора... Об этом не хотелось думать, но ситуация нехорошая, непредсказуемая.

Майор Одинцов давно уже точил зуб на Лукомора и «закрыл» его, как только получил возможность свести с ним счеты. Жесткий он мужик, резкий, но с ним тем не менее можно договориться. Тем более Одинцову не нравилось, что на место Лукомора метит господин Никиткин, он же Фраер. Ни дня черт за решеткой не провел, а крутого мафиози из себя строит. Сначала половину города под свой контроль взял, а потом и на весь Бочаров замахнулся.

Как только Лукомор оказался за решеткой, Никиткин повел свою игру. Это его люди привлекли внимание борцов с оргпреступностью областного масштаба, они активизировали зачистку в рядах Лукомора. Сколько пацанов уже за решеткой, почти всех повязали по беспределу. Наркоту в карманах у них находили, оружие – как холодное, так и огнестрельное. ОБЭП к этому делу подключился, налоговая. Бизнес у Лукомора серьезный, это фундамент, на котором держится его власть и сила, потому менты так рьяно расшатывали его. Он здесь, а там, в Бочарове, беснуются убоповцы, и Фраер им в помощь... Кочегар дал показания, Штрих раскололся, менты не дают им возможности повернуть назад, а это значит, что суда не избежать, и Лукомор получит реальный срок за убийство. А это как минимум «десятка» строгого режима. И то, если суд вспомнит о его дочерях, которых ему приходится воспитывать без матери... В любом случае менты выведут его из игры. Или уже вывели...

Пятьдесят лет ему. И жизнь только начинается. Жизнь в неволе. Жизнь, о которой он уже успел благополучно забыть. Не хочется ему вступать в суровую схватку за выживание в хищной среде, но делать нечего. Надо доказывать свою воровскую сущность, право на корону. Начал он с малого – выбил блатное место. На этом бы и остановиться, но нельзя, надо ставить под себя эту камеру. Хочет Кислый того или нет, но ему придется подвинуться. Нет желания у Лукомора его трогать, но делать нечего...

Он знал, в какой изолятор его доставили, и смог выяснить, кто «держал здесь масть». Лично с Муртазом он знаком не был, слышал о нем только краем уха, но, видимо, знакомиться придется...

Глава 2

Дверь бронированная, с антивандальным покрытием. Солидно смотрится, эстетично, только вот выдержит ли она пулю? Для майора Одинцова это не праздный вопрос. Возможно, за этой дверью скрывается опасный вооруженный преступник. Кто знает, может, он уже учуял опасность и приготовил к бою пистолет. Он мог выстрелить через дверь, именно поэтому, нажав на клавишу звонка, Одинцов отошел в сторонку.

Кустарев с ним, Ожогин, один молодой, другой не очень, но оба надежные и в деле проверенные. Если что, не подведут...

– Кто там? – послышалось за дверью. Голосок тонкий, девичий.

– Соседи снизу! У вас трубу прорвало! – громким и недовольным голосом выдал Кустарев.

Высокий парень, широкоплечий, простодушный на вид, но непростой по содержанию. В обычной обстановке взгляд у него открытый, с добродушной хитринкой, в экстренной ситуации – сосредоточенный, нацеленный. И сам он сейчас как сжатая пружина. Молодой он еще, но уже обстрелянный.

В общем-то, весь сыр-бор с него и начался. В него стреляли преступники, он запомнил номера их машины, уголовный розыск вышел на двух лукоморских бандитов. Братков нашли в лесу, они лежали возле своей машины. В одном теле две пули, в другом – три. По всему выходило, что Лукомор зачищал следы... А покушение на жизнь сотрудника полиции – дело громкое, в Бочаров прибыла спецгруппа из представителей областного УБОПа и следственного комитета. За Лукомора взялись круто и всерьез...

А майор Одинцов пошел другим путем. С подсказки Кустарева, он вышел на человека, который был причастен к этому преступлению, и выяснил, что тот работал не на Лукомора, а на господина Никиткина. Арсений Перекосов держался недолго, сломали его, сдал он Мишу Веселого, который стоял за убийством лукоморских бойцов.

А вскоре нашли за городом и самого Мишу, в яме, которая образовалась вокруг опоры трубопроводного моста. Убили Веселого, а похоронить грамотно не смогли. Охотники обнаружили труп, следственно-оперативная группа прибыла на место, работа закрутилась.

Это Никиткин организовал покушение на Кустарева, он спровоцировал обострение ситуации, в которой оказался Лукомор. Но его люди сработали нечисто, и уголовный розыск взял след некоего Татарина, который работал в паре с Мишей Веселым. Перекосов его сдал. Адреса Леши Татарина он не знал, но дал подсказку. А кто ищет, тот и находит...

– Сейчас! – донеслось из-за двери.

Минуты через две тот же голос громко и ясно сообщил, что никакие трубы в доме не текут.

– В полу текут, нас заливают! – прогреготал Кустарев.

Дверь открылась, и Максим увидел худосочную брюнеточку лет двадцати. Маленькие, но с большими черными зрачками глаза, острый нос, тонкие губы, прыщик на лице. Белая мужская сорочка на голое тело, на длинных тонких ногах – тапочки как минимум сорок пятого размера.

– Да нет у нас ничего!

– У кого это у вас? – Кустарев широко улыбнулся, бросив на девушку восхищенный взгляд. Ее неземная красота вызвала у него восторг – именно так она и должна была подумать. Не везло Грише в любви, но дурить девчонкам голову он умел.

– Ну, Леши сейчас нет... – неохотно ответила брюнетка.

Кустарев произвел на нее впечатление, и девушка, похоже, хотела, чтобы он обнял ее не только взглядом, но и руками. Освобождая проход, она уперлась в торцевую стенку шкафа,

затаенно улыбнулась, глядя, как Гриша раскинул руки, словно собираясь ее обнять, но вдруг замерла, увидев Одинцова, заполнившего собой прихожую. И пистолет в его руке испугал ее.

Остановить Одинцова она не могла, Кустарев надежно удерживал ее в «мягком» плену.

Максим взял вправо, заглянул в гостиную, а Ожогин тем временем ворвался в спальню.

– Вы кто такие? Что вам нужно? – запоздало заистерила брюнетка.

– А вы кого ждете? – глянув на Ожогина, спросил Одинцов.

Юра покачал головой, обследуя спальню. Этот жест говорил о том, что в комнате никого нет, но, возможно, в нем было заключено и возмущение. В гостиной царил бардак. Покрывало на диване скомкано, подушка валялась на полу, на журнальном столике стоял ноутбук, на котором лежали раскрытые книги. Еще на полу валялись газеты, створки шкафа были открыты, от телевизора тянулись какие-то провода. Может, и в спальне такой же беспорядок, потому и хмурит брови Ожогин.

– Никого я не жду!

– А Лешу?

– Ну, Лешу жду! Кто вы такие?

Ожогин осмотрел кухню, обследовал туалет, ванную. Никого. А Одинцов заглянул в спальню и, качая головой, заметил:

– Комитет по чистоте и порядку.

Беспорядок – это слишком мягкое определение того, что творилось в спальне. Белье на кровати скомкано, на одной подушке лежал сапог, на другой женский тапочек, чуть ниже стоял поднос, на котором громоздились грязные тарелки. На полу валялись баночки от йогуртов с ложечками в них, фантики от конфет, вывернутые наизнанку трусики, лифчики, колготки. Одеяло лежало под кроватью, то ли скинули его туда, то ли оно само сползло со стыда за свою хозяйку. Немытая посуда стояла и на столе, вперемешку с бутылками из-под вина и всякой всячиной, и фен здесь, и бигуди разбросанные, и скомканная бумага, и даже свернутая в жгут юбка...

– Беспорядок у вас в квартире, придется принимать меры.

– Какие меры? Что вы такое говорите!

– Принудительная уборка! За ваш счет! Или это не ваша квартира?

– Моя.

Леша Татаринов проживал на улице Юбилейной, но там его не было. Зато нашелся человек, который дал адрес его подружки. Улица Водопьянова, дом семнадцать, квартира сто двадцать четыре.

– Тебя Леля зовут? – спросил Одинцов.

– Ну, Леля.

– А Леша где?

– Ну, нет его... Вы из милиции?

– Нет, не из милиции, – пристально глядя на нее, ответил Одинцов. – Татаринов где?

– Я не знаю. Он как уехал вчера, так нет его до сих пор.

– Звонила ему?

– Ну, звонила... Он трубку не берет... А зачем он вам? Кто вы вообще такие?

– А как ты думаешь, кто мы? Может, Леша кого-то боялся?

– Ну-у... Я не знаю... – отвела взгляд в сторону Леля.

Как будто на стене висел экран с бегущей на нем строкой.

– Думай, Леля, думай. От правильности твоего ответа многое зависит.

– Ну, может, и боялся... А что вы мне сделаете?

– Мы? Ничего. А те, кто хочет убить Лешу, могут и сделать.

– А кто его хочет убить?

Одинцов взглядом показал на кухню. В гостиной с Лелей не поговоришь, в спальне тем более, может, на кухне чисто? Но, увы, бардак был и там. В мойке гора невымытой посуды, на столе тарелки, чашки. На полу ничего не валялось, может, нечему было уже туда падать, может, закончились у Лели посуда и столовые приборы. Федорино горе...

– Ты знаешь, чем занимался Татаринцов?

Одинцов убрал со стула сковородку, обследовал сиденье, чтобы не испачкаться, и сел.

– Ну, в охранной фирме он работал, – вытянув губы в трубочку, пробубнила Леля.

– Кем?

– Ну, группа быстрого реагирования там.

– На работе его нет.

– Ну, он сказал, что у него отгулы...

– Когда сказал?

– Позавчера... Сказал, что до конца недели гуляет...

– А вчера ушел?

– Да, утром... Кто-то позвонил ему, и он ушел.

– Кто позвонил?

– Не знаю...

Судя по выражению ее лица, Леля собиралась продолжить фразу, но не решилась озвучить свою мысль.

– А что знаешь? Что испугало Лешу?

– Испугало?! – Девушка смотрела на Максима, и рот ее медленно открывался от возмущения. Она не знала, с кем имеет дело, и эта мысль не давала ей покоя.

– Кто вы такие?

– Из полиции мы. Майор Одинцов, начальник уголовного розыска.

– Зачем вы мне врете?

– Мы не врем, с чего ты взяла?

– Я же спрашивала, из милиции вы или нет!

– А разве я неправильно тебе ответил? Мы действительно не из милиции, мы из полиции.

– Какая разница?

– Где Татаринцов? Чего он испугался? – У Максима не было времени переливать из пустого в порожнее.

– Ну, испугался... Собрался и ушел... Сказал, что ему надо уехать...

– Куда?

– Ну, по делам... Что-то нехорошее у него там на работе случилось, аврал какой-то. Я по его лицу это поняла...

– Может, кто-то приезжал, спрашивал про него?

– Да нет, никто пока не приезжал...

– Пока?

– Ну, он сказал, мне нужно говорить, если спросят, что мы разошлись. А как я могу такое сказать? Не могу! Не хочу с ним расходиться!

– Ну да... – Максим выразительно обвел взглядом пространство вокруг себя.

От чуковской Федоры вся утварь ушла. Скачет сито по полям, а корыто – по лугам... А от грязнули Лели любой мужик сбежать мог. Ели бы не ситуация, которая складывалась вокруг Татаринцова, он бы решил, что парень именно это и сделал. Но у парня реально серьезные проблемы, и ему действительно нужно было уносить ноги. Видно, узнал он, что труп Миши Веселого нашли, и сделал выводы.

– Что, ну да! – возмущенно взвизгнула девушка.

Похоже, она поняла, на что намекал Одинцов, отсюда и всплеск эмоций. От ее визга зазвенело в ушах. А в дверь, похоже, позвонили. Леля вскинулась, бросила напряженный взгляд в сторону прихожей.

– Звонят? – спросил Максим. – Кто это может быть?

– Ну, может, мама... – неопределенно пожала она плечами. – Но у нее ключ.

– А у Леша?

– Тоже.

– Надо узнать.

Леля кивнула, подошла к двери.

– Кто там?

– Соседи снизу! Вода к нам льет! – прозвучал грозный мужской голос.

Одинцов удивленно глянул на Кустарева. Кто-то украл его импровизацию. Было бы смешно, если бы не было все так серьезно. Кто-то ломился к Леле в квартиру, и это не соседи. Может, от Никиткина «чистильщики» нагрянули? Убийство Миши Веселого вскрылось, значит, Леша Татаринцов должен был исчезнуть – без права на возвращение.

– Нет ничего такого! – подала голос Леля.

Кустарев тут же пришел в движение. Одной рукой он мягко закрыл девушке рот, а другой взял за локоть и потянул за собой, увлекая в гостиную.

– А вы хорошо посмотрите! – донеслось из-за двери.

Кустарев закрыл за Лелей дверь, вышел на исходную позицию, а Ожогин провернул ключ в замке. Дверь с шумом распахнулась, и в квартиру влетел человек в полной экипировке омовца – камуфляж, защитный шлем, бронежилет, автомат, а ко всему этому прилагались ураганный натиск и недюжинная физическая мощь. Все бы ничего, но за первым бойцом в квартиру собирался ворваться второй. Третий в межквартирном тамбуре вроде не просматривался, но Максиму могло так только показаться, не было у него времени на более детальное изучение обстановки...

Что, если это вовсе не омовцы?.. Имелась у Никиткина одна такая боевая команда, которая работала под полицейский спецназ, один такой случай Одинцову был известен.

Он схватил омовца за плечевую лямку бронежилета, рывком потянул на себя и в сторону. Пользуясь его же силой, придал ему ускорение и врезал об угол в стене, за которым начинался дверной косяк. Он страшно рисковал: в ответ ему могла прилететь и грубая физическая сила, и привет от вышестоящего начальства – как минимум за срыв силовой операции, а по максимуму за самоуправство и рукоприкладство. Но уже поздно было останавливаться. Тем более Ожогин и Кустарев его подстраховали. Они вдвоем схватили второго гостя, втянули его в квартиру. Ожогин сам когда-то служил в милицейском спецназе, он и принял своего предполагаемого коллегу, уложил его на пол, а Кустарев закрыл дверь.

– Что здесь происходит?! – завизжала Леля.

Но вопль тонул в том реве, который поднял первый гость, пытаясь скинуть с себя Одинцова.

– Уголовный розыск! Ты кто такой? – Максим и сам давил соперника криком.

– Капитан Лыков! Полиция специального назначения! Пусти! Свои!

– Кто тебя сюда направил? Кто дал приказ?

– Полковник Иванов! – не задумываясь, выпалил мужик.

– А почему не Петров? – ухмыльнулся Одинцов, понимая, что фамилия была выдумана на ходу.

– Какой ОМОН? Взвод, рота, батальон? Кто командир?

Не дал задержанный внятного ответа и на эти вопросы. Зато Кустарев прояснил ситуацию.

– Классная штука... – осматривая брошенный автомат, сказал он. – Калибра предположительно пять и пять, гладкоствольный.

Разговор шел о пневматическом оружии, которого на вооружении у настоящих спецназовцев быть не могло. Одинцов даже удостоверение «Лыкова» изучать не стал, и без того ясно, что там «липа», а быстро надел на самозванца наручники.

– Кто там еще внизу? – спросил он.

– Ты еще ответишь... Не знаю, кто ты там такой! – прохрипел «капитан».

– «Бронник», надеюсь, у тебя не фальшивый? – усмехнулся Максим и с силой ударил задержанного – ногой в бок.

– Ты что творишь, гад! – взвыл тот от боли.

– «Бронник» проверяю... Может, из пистолета проверить?

– Да пошел ты!

– Кто там внизу? – повторил Одинцов.

– Да пошел!..

Майор выразительно глянул на Ожогина, склонился над «Лыковым» и обыскал его. Залез под бронежилет, нащупал под курткой пистолет, вынул его, осмотрел. А ствол боевой, итальянская «беретта», такие пистолеты на вооружении российского спецназа не состоят. Разрешения на такое оружие и быть не могло. Зато имелось служебное удостоверение, выписанное на имя капитана Лыкова Ильи Григорьевича. Были еще и водительские права, принадлежащие Марку Игоревичу Сколкову. Нетрудно было догадаться, где подлинник, а где «липа». Если, конечно, и права не были фальшивыми.

А Ожогин изъясил у своего задержанного только пистолет, такую же «беретту». Парня даже липовым удостоверением не снабдили, а из настоящих документов у него ничего не было – ни прав, ни техпаспорта на машину. И ключей от автомобиля не было ни у того, ни у другого. А пешком эти «ряженные» ходить не будут, значит, был кто-то третий, в машине.

Радиостанции ни у кого из задержанных не оказалось, телефон был только у Сколкова, но сигнал с него в режиме реального времени никуда не поступал, так что третий боец бандитского «спецназа» мог находиться в неведении. Может, и не знал он, что происходит с его друзьями.

Одинцов оставил задержанных под присмотр Кустарева, а сам с более опытным Ожогиным спустился вниз. Сколков не сказал, на какой машине они приехали, его напарник отмолчался в ответ на вопрос, а ломать их – только время тратить. Время, в течение которого их сообщник мог уйти.

Машину можно было определить по водителю, который в ней находился. К дому припаркованы были, как правило, пустующие машины, такие сразу можно было выбрасывать из поля зрения. Одинцов поступил проще, он обратился к пожилой женщине, сидевшей на скамейке у подъезда. Он подсел к ней, попросил не жестикулировать руками, а спокойно показать взглядом, из какой машины вышли омовцы с оружием. Женщина размеренно кивнула в сторону черного «Лендкрузера», который стоял боком к навесу с мусорными контейнерами.

Максим степенно поднялся и неторопливо направился к машине, стараясь на нее не смотреть. Но водитель его словно почувствовал и тут же резво взял разгон. Двигатель мощный, приемистость отличная. Преследовать машину Одинцов не стал. Пока до своего автомобиля добежишь, пока заведешь, да и смысла особого нет, когда главные действующие лица в наручниках. Он запомнил номера, достал свой телефон, чтобы объявить перехват, но зазвонил мобильник, изъятый у Сколкова. В трубке послышался взволнованный сбивчивый голос:

– Марк, что там у вас? – Судя по звукам, мужчина говорил из движущейся машины.

Одинцов ничего не стал говорить. Потребовать, чтобы беглец вернулся и сдался ему на милость? Он только посмеется в ответ. Обрушиться на него с угрозами? А если Максим не сможет его взять? Если не сможет, зачем тогда сотрясать воздух пустыми угрозами? Лучше

ничего не говорить, не пугать беглеца, чтобы он не выбросил свой телефон. В системе МВД существует бюро специальных технических мероприятий, сотрудники которого смогут определить местонахождение телефона, с которого прошел звонок. Не так давно Максим обратился к специалистам из этой службы, они помогли установить координаты лукоморских братков, которых подозревали в покушении на Кустарева. Координаты Туманова и Еремеева... Установили. И трупы нашли. С тех пор никакого покоя...

Не заходя в дом, Одинцов позвонил человеку, который мог решить проблему с координатами, и договорился с ним. Он уже был возле подъезда, когда его внимание привлек «Форд» патрульно-постовой службы – с включенными проблесковыми маячками, но без sireны. Автомобиль остановился, из него вышли люди в форме. Грузный старшина с щегольскими усиками выбирался из машины неторопливо, с важностью и напыщенностью простого человека, не обремененного большой ответственностью. Зато молодой лейтенант был внутренне собран, сосредоточен, заряжен на действие. Максим уже видел этих людей, имел с ними дело, и машина не поддельная, как это могло быть. И бывало...

Он внутренне расслабился, но все-таки смотрел на эту пару настороженно. Патрульные направлялись к подъезду, и, как выяснилось, им нужна была сто двадцать четвертая квартира. Кто-то из соседей правильно отреагировал на шум в доме, позвонил на «ноль два». Одинцов объяснил ситуацию, велел доставить в управление одного из двух задержанных, а Сколкова решил забрать сам, причем велел раздеть ряженых.

– Эй, начальник, ты не прав! Это самоуправство! – запротестовал Сколков. – Это издевательство над человеком!

– По мне, так лучше издевательство над таким человеком, как ты, чем издевательство над формой.

Нельзя их выводить во двор в полицейской форме, пойдет слух по городу, что задержали очередных «оборотней». Вроде бы положительный момент: идет борьба с преступностью, полиция избавляется от внутренней нечисти. Но у злых языков свое видение и понимание, у них все в черном свете...

Глава 3

Неоновая лампа гудела, как механический комар со стальным жалом. Возможно, именно такое сравнение и пришло на ум задержанному. Сколков старался держаться спокойно, но вена у него на лбу нервно пульсировала, и мышцы на шее напряглись, как будто он собирался обернуться, посмотреть, что там у него за спиной.

Тихо в помещении для допросов, очень тихо, поэтому шум лампы действовал на нервы. Одинцов молчал, неторопливо и даже с какой-то садистской отрешенностью заполняя «шапку» протокола. И Сколков молчал, всем своим видом давая понять, что ему не о чем говорить с каким-то там начальником уголовного розыска. Он пытался изображать из себя большую величину, но именно поэтому смотрелся жалко и униженно.

В коридоре за решетчатой стеной слышались шаги.

– Разрешите!

В помещение для допросов вошел полицейский в форменной куртке, молодой парень, пышущий здоровьем и жизненной энергией.

Максим вопросительно глянул на него.

– Старший лейтенант Глинкин! – представился офицер.

– Узнаешь? – Одинцов кивком головы показал на задержанного.

Сколкова выводили из дома в трусах и в майке, но в управлении позволили одеться в полицейский камуфляж. В нем он сейчас и сидел.

– Ну, что-то знакомое, – сощурился глаза, кивнул парень.

Одинцов хорошо помнил криминальную историю годичной давности. Широкомасштабную историю, в которой поучаствовал Никиткин...

История эта началась с убийства человека, спавшего, как оказалось, с женой Никиткина. Фраер тогда попал под подозрение, и ему пришлось выкручиваться. В числе подозреваемых была и гражданка Лукашова, бывшая любовница покойного. В общем-то, она и была виновной в гибели гражданина Нефелина, но вину свою признавать не хотела. Тогда в дело вмешался Никиткин, он попытался разговорить Лукашову силой, для этого и отправил к ней своих людей, переодетых в форму спецназа. Лукашовой дома не оказалось, «ряженные» собрались уезжать с пустыми руками, но за воротами нарвались на патруль вневедомственной охраны. Старший лжеспецназовцев представился Глинкину капитаном Барановым...

Одинцов знал про этот случай, поэтому на всякий случай вызвал в управление свидетеля.

– Капитан Баранов? – подсказал Максим.

– Да, капитан Баранов, – кивнул Глинкин.

– Постановление на арест гражданки Лукашовой тебе предъявил?

– Ну да, все как положено, – досадливо поморщился старлей, зло глянув на Сколкова.

Оплошал он тогда, не справился с ситуацией. А ведь мог задержать всю банду, если бы выявил подлог. Патрульно-постовая служба к нему тогда на помощь поспела... Впрочем, третья звездочка на погон и без того упала.

– Если бы я знал, что это «липа».

– «Липа», – кивнул Одинцов. – И удостоверение – «липа», и постановление... Спасибо, старлей!

Глинкин ушел. Сколков ухмыльнулся ему вслед и, косо глянув на Одинцова, с насмешкой произнес:

– Лажа это, а не опознание. Не по закону это, суд не признает.

– По закону опознание следователь проведет. А я пока пристреливаюсь к ситуации. Траекторию вот рассчитываю... А направление стрельбы я уже определил. Ты, Сколков, из одного окопа с Никиткиным, правильно?

– Кто такой Никиткин? Не знаю такого!

– Знаешь не знаешь, а гражданку Лукашову по его заданию задержать пытался. И задержал. С первого раза не получилось, зато со второго раза удалось. А знаешь, как Никиткин Лукашову пытал? Он ей ногти на пальцах выдирает...

Одинцов смотрел на Сколкова как на какое-то чудовище, будто это он глумился над женщиной. А пытки действительно были. Более того, история эта получила продолжение. Лукашова «заказала» самого Никиткина, в него стреляли, Фраер был на волосок от смерти...

– Не знаю ничего!

– Лукашова сейчас в заключении, мы ее сюда вызовем. Она будет рада в родных местах побывать, так рада, что и тебя опознает... Ты ее похищал! На пятнадцать лет сядешь!

– На сколько?! – вскинулся Сколков.

– Организованная группа была? Была. Значит, до пятнадцати лет. Уголовный кодекс, статья сто двадцать шесть. У тебя еще будет время с ней ознакомиться. Заодно можешь изучить и триста двадцать седьмую статью. В твоём случае подделка документа будет стоить четырех лет лишения свободы. И по двести двадцать второй статье те же самые четыре года – за хранение и ношение огнестрельного оружия. Поверь, от этого срока ты не отвертишься.

– Не пугай, пуганный, – скривился задержанный.

– Ну да, ну да... – Одинцов смахнул со стола распечатку с данными на Сколкова. – Судя по нашей информации, ты человек заслуженный. Шесть лет в СОБРе – это серьезно... Не хочу злорадствовать, но, возможно, тебя отправят в общую зону. Ты же знаешь, как там относятся к бывшим сотрудникам. Нарвешься на какого-нибудь чересчур правильного вора, он тебя заточкой из-за угла...

Одинцов действительно не хотел злорадствовать. Более того, его самого тревожили слухи о преобразовании в системе исполнения наказаний. Вроде как правительство собиралось упразднить специальные исправительно-трудовые колонии для бывших сотрудников МВД. Максим взятки не брал, служебными полномочиями старался не злоупотреблять, но всякое могло случиться, поэтому такие слухи беспокоили кожу над позвоночником – то холодок по ней пробежит, то мурашки.

– Почему это на общую зону? – насторожился Сколков.

– Ну, есть предложение отменить льготы для бывших сотрудников. Не для всех, конечно. Только для тех, кто не идет на сотрудничество со следствием...

– Запугиваешь? – Сколков озадаченно провел пальцами по своему широкому раздвоенному подбородку.

– Да нет, сам в шоке, честно говоря. Вдруг бы ты настоящим капитаном Лыковым оказался? Вдруг бы я зашиб тебя на задержании?.. Мне на общую зону никак нельзя. Я там не выживу. Да и тебе там не место...

– Ты это серьезно?

– А милицию в полицию переименовали – это серьезно? Думали, что ничего такого не будет, думали, передумают. А не передумали... Серьезно все, парень, очень серьезно. Зоны для бывших решили сокращать, «оборотням» там, сказали, не место. А ты у нас как раз из этой компании. Как же так, служил закону, а перешел на службу к беззаконию?

– К какому беззаконию? Мы просто приколоться над Татаринцом хотели. Разыграть его решили.

– Для этого переоделись в омовский камуфляж? Бронежилеты взяли, шлемы, оружие?

– Ну да.

– Фальшивое удостоверение?

– Ну, был грех...

– А зачем удостоверение? Татаринцев не знал тебя в лицо?

– Не знал, – учуяв подвох, напрягся Сколков.

– Тогда в чем прикол? Разыгрывают друг друга друзья, приятели. А вы друг друга не знали...

– Ну, «заказали» нам розыгрыш...

– Кто?

– Друзья Татарина попросили...

– Какие друзья? Кто именно? Фамилии, имена, отчества!

– Э-э... Секрет фирмы...

– Какой фирмы? Где ты работаешь?

– Ну, в охранной фирме... «Альфа-Система» называется... Это в Москве, мы там работаем.

– Разберемся.

В Бочарове под контролем Никиткина работала охранная фирма «Бастион». Но у Фраера были серьезные интересы и в самой Москве. Он и там бизнесом занимался – дорожным строительством, благоустройством, озеленением, в общем, проектами, которые финансировались из муниципальных и федеральных бюджетов. И охранная фирма в Москве у него могла быть. Возможно, «Альфа-Система» – это филиал «Бастиона», а может, он создал эту фирму исключительно для того, чтобы легализовать свой собственный спецназ... Разбираться надо – пробивать, выявлять, сравнивать, анализировать, подводить к общему знаменателю.

– А чего разбираться? Никакого криминала там нет. Чисто розыгрыш, – невесело улыбнулся Сколков.

– Никакого криминала? А нелегальный ствол иностранного производства?

– Ну, мы же с Валерой не стреляли.

– Да, но оружие было. И кто его выдал?

– Да сами купили. Так, на всякий случай.

– Купили?

– У кого, не скажу, хоть убей! – Сколков приложил к груди сомкнутые в запястьях руки.

– Ну, пока не будем об этом говорить, – усмехнулся Максим. – Есть более интересные моменты. Например, в кого вы стрелять собирались?

– В кого?

– Татарин еще тот волк, он и сопротивление оказать мог.

– Сопротивление ты, начальник, оказал, даже каска не помогла...

– Поэтому ты по этапу без каски пойдешь. Зачем она тебе в зоне, все равно против ножа не поможет.

– А пугать меня не надо!

– Для чего тебе нужен был пистолет?

– Я же говорю, на всякий случай!

– Зачем тебе нужен был Татарин?

– Не нужен он был мне. Чисто разыграть и домой.

– А почему вы на Водопьянова поехали? Он там не живет, там у него девчонка. Кто вам этот адрес дал?

– Ну, дали.

– Кто дал?

– Да неважно!

– Важно. В том-то и дело, что важно. А ты, Марк Игоревич, не понимаешь и не хочешь понимать. И со следствием сотрудничать не хочешь. А мы бы могли поверить, что ты не собирався захватывать и похищать Татарина. И на Лукашова можем закрыть глаза. Даже на твой пистолет... Пойдешь нам навстречу, и мы тебе навстречу пойдём. Ты же никого не убивал, нет?

– Не убивал, – настороженно глядя на Максима, покачал головой Сколков.

– И Татарина пальцем не тронул.

- Не тронул.
 - Но должен был. Кому ты должен был? Кто тебе Татарина «заказал»?
 - В смысле, разыграть?
 - В смысле, убить. – Одинцов сказал это спокойно, даже тихо, но вид у него при этом был такой, будто он собирался заорать на задержанного.
 - Никто и не думал его убивать...
 - Это ты в суде расскажешь. А там разговор серьезный будет... Кто такой Веселый, знаешь?
 - Понятия не имею! – громко, но неубедительно ответил Сколков.
 - Врешь, знаешь ты все. И то, что убили Веселого, знаешь. Татарин с ним в паре работал. Их обоих надо было «зачистить», но Татарин ушел. За ним вы сегодня приехали. Его сегодня должны были убить...
 - Не знаю, кто его должен был убить!
 - А я знаю, что ты работаешь на Никиткина. И знаю, кто убрал Веселого. Никиткин его убрал.
 - Не знаю такого!
 - А кто такой Лукомор, знаешь?
 - Без понятия...
 - И не боишься его?
 - Я никого не боюсь, – опасливо глянув на Одинцова, буркнул Сколков.
 - Все так говорят! – с дразнящей улыбкой глянул на него Максим.
 - А я не говорю... Просто ничего не боюсь, и все...
 - Это ты Лукомору расскажешь, когда мы тебя к нему на поклон отправим. Он сейчас в следственном изоляторе, и тебя туда дорога ждет. Лукомор в законе, у него в тюрьме власть. Мы там тебя в общей камере закроем, с обычными уголовниками, и наводочку Лукомору на тебя дадим. Думаю, для начала тебя «опустят»... – пристально глядя на Сколкова, с угрозой в голосе предрек Максим. – К тебе на прием в очередь выстраиваться будут, и никто за тебя не заступится. И с каждым разом будут «опускать» все ниже и ниже, пока не дойдешь до самого дна... Пока не расскажешь, кто «заказал» тебе Татарина и кто подставил Лукомора... Может, лучше сразу об этом рассказать? Зачем тебе через Крым и Рим проходить? Зачем тебе в медные трубы дуть, а?.. Ну, чего молчишь?
 - А грузишь ты меня, начальник, – с тяжелой усмешкой глянул на него исподлобья Сколков, – потому и молчу. Как загрузишь, так и скажу. Что ничего ты не сделаешь, скажу. Тебя потом самого через эти трубы протаскают, аж по самые саксофоны!..
 - Чью-то силу за собой чувствуешь?
 - Сам почувствуешь... Да только поздно будет!
 - Думаешь, Никиткин такой крутой?
 - А узнаешь!
 - Значит, все-таки Никиткин? – усмехнулся Одинцов.
 - Никиткин?! Я этого не говорил!
 - Говорил! И Никиткин узнает, что говорил!
 - А если говорил, то что? Да, я его знаю! И силу его знаю! И знаю, что с тобой будет, майор, если ты от меня не отстанешь!
 - И что будет?
 - А то и будет!
- Максим понял, допрашивать Сколкова дальше – только время терять. Не сдаст он своего босса, не признает его участие в той каше, в которую бросили вариться Лукомора...

Глава 4

Жизнь – это дорога. Множество дорог. Одна дорога ведет тупо вперед по времени – ровно, по прямой. Есть дорога, по которой карабкаешься вверх – этапы взросления и становления, карьерная лестница, социальный лифт, все такое прочее. Есть дороги, которые ведут в Рим – через Урюпинск, Москву, Париж и другие закоулки. Это дороги в географическом смысле – маршруты движения, пути сообщения, способ для перемещения в пространстве людей и вещей, с ними связанных. Если так рассуждать, то тюрьма – это вовсе не жизненный тупик. Передвижение во времени здесь есть – завтрак, обед, ужин, понедельник, вторник, апрель, май, одиннадцатый год, двенадцатый... Перемещение в пространстве ограниченное, но все-таки существует – прогулки, этап, начиная от перевода из одной камеры в другую и заканчивая «столыпинским» вагоном в зону... Но все-таки тюрьма – это тупик. Особенно, если нет продвижения вверх – от худшей доли к лучшей, от одного статуса к другому. И еще здесь должна быть связь с волей, должна быть дорога, по которой гонят «коней», а точнее, воровскую почту. Именно такой дороги в триста четырнадцатой камере и не было, отчего ощущение жизненного тупика усиливалось.

Окна задрены наглухо, веревку из одной камеры в другую не перебросишь, «дорогу» не натянешь, «коня» по ней непустишь. Для того администрация и провела в камеру вентиляцию, чтобы не было таких вот информационных «сквозняков». Был еще способ передачи информации – перестукивание через батарею парового отопления. Лукомор знал такую азбуку из двадцати восьми букв, умел туковать, но поймут ли его в соседней камере? Не те сейчас времена, обмельчал народ. Даже через «очко» к людям не докричишься. А был такой способ – сливалась вода в унитазе, и через гулкую пустоту в нем налаживался разговор.

И времена меняются, и нравы. Сейчас в ходу мобильные телефоны. Вынул из-под матраса, набрал номер, и ты – король. А если все так просто, зачем гонять «коней» и туковать?.. Но непросто все. Администрация подложила братве свинью, заглушила сигнал сотовой связи. Завезли аппаратуру, пару лет настраивали, доводили до ума, а в начале одиннадцатого года врубили систему на полную мощь, и мобильники превратились в бесполезную игрушку. В принципе все правильно: в некоторых случаях всего лишь один звонок на волю мог развалить уголовное дело.

Лукомор тоже пытался развалить свое дело, но пока ничего не получается. Менты взяли его в оборот крепко. И кочегар, который сжигал тело Кристины, не отказывается от своих показаний, и Штрих во всем признался – под роспись в протоколе. А признание, как известно, королева доказательств. И эта королева плотно села Лукомору на шею, руками давит на горло, ногами – на грудь. Королева. Царевна-лягушка. Жаба...

Менты знают свое дело – Демона и Штриха держат в одном изоляторе, а Лукомора в другом. И связи с внешним миром его лишили. Вернее, пытаются лишить... Связь с братвой Дмитрий Андреевич поддерживал через своего адвоката, которого ни по каким законам нельзя лишить посещения.

А Миша Солодкий еще тот живчик, без мыла в любую щель. Молодой, но ранний. Худощавый, узколицый, нос такой острый, хоть консервы открывай. Лукомору известен был такой тип людей – хитрых, юрких, пронырливых. У таких пройдох взгляд обычно скользкий, бегающий, но Миша знает о своих недостатках и работает над собой. Взгляд у него спокойный, прямой, и суеты в нем нет, речь хорошо поставлена, голос ровный, выдержанный, но Лукомор чувствовал нервные вибрации у него в душе.

Миша первый предупредил его об опасности, это ему в плюс. Но он еще должен был вытащить его отсюда – хотя бы под залог, но у него ничего не получается. Дело на контроле

у большого московского начальства, приняты все меры к сдерживанию Лукомора. Все возможные меры...

Миша крутится, барахтается, но воз и поныне за решеткой. Отсюда чувство вины и беспокойство.

И сейчас он чувствовал себя не в своей тарелке, хотя и пытался держаться бодрячком.

– У Пекаря был? – спросил Лукомор.

Илья Семенович Пекарев заведовал его финансовыми делами. Как финансист, он мужик не особо талантливый, звезд с неба не хватал, зато Дмитрий Андреевич не сомневался в его преданности. Почти не сомневался...

– Да, конечно! – кивнул Миша. – Привет вам передавал!

– Привет?

– Сказал, что волна пошла на спад. Сами знаете, как на ваш бизнес набросились...

Лукомор кивнул. Набросились, это верно. Как шакалы, со всех сторон набросились. Сам городской глава отмашку дал, и понеслась – проверка за проверкой, штрафы за штрафами. Магазины трогать не стали, все-таки социально значимые объекты, а ночной клуб и рестораны временно закрыли. И автосервисам досталось... Но если волна пошла на спад, значит, не все так плохо, как могло быть. Во всяком случае, хотелось на это надеяться.

Пекарь отстегнул Мише, оплатил его работу. Солодкий не один в этом деле, он во главе процесса, который нуждается в хорошей смазке. Выжимка из вечнозеленых купюр – самое то.

Много денег ушло и на силовое решение проблемы. С нужным человеком Лукомор связался еще в изоляторе временного содержания, в общих фразах объяснил, что нужно делать, но не сказал, кого именно нужно убрать. С человеком Ипатия встречался Миша, он растолковал ему всю суть, дал понять, от кого зависит решение проблемы. Ипатий все понял, назвал сумму, Миша привез деньги. Ипатий – человек старой закалки, если он сказал, то сделает. Уж точно постарается сделать.

А что именно он собирался сделать, Миша мог только догадываться. Ипатий не дурак, чтобы доверяться ему. Он сам сделал выводы, назначил цену, а за что именно, не сказал. Миша и не пытался: нет у него желания отвечать за соучастие в заказном убийстве... Все это хорошо, но вдруг Ипатий сам не так все понял? А может, он собирался кинуть Лукомора? Деньги взял, а с Демоном и Штрихом решать не собирался? И такое возможно... Время нынче такое, эпоха больших кидков. И малых тоже...

– У тебя все нормально? – невесело спросил Дмитрий Андреевич.

– Ну, относительно... Вас вот пока вытащить не могу. Сами знаете, не моя это вина.

– Контора пишет?

– Моя – да... Вот, пытаемся доказать, что Полосков дал показания под давлением следствия...

Лукомор махнул рукой, осаживая Мишу. Он сам знал, в какой ситуации находился, и не надо ему сыпать соль на рану. Тем более не так уж и важно, как работают его адвокаты, сейчас важен результат.

– Кто еще что пишет?

– Ну, я хотел сказать... – встрепенулся Солодкий и, открыв папку, достал лист бумаги, вывел на нем имя и показал его Лукомору: «Ипатий». – Ваш друг звонил...

Лукомор затаил дыхание, но радостное предчувствие душу не захлестывало. Если бы Ипатий решил проблему, Миша бы сообщил сразу. Он же не дурак, все понимает... А Миша оттягивал неприятный для него момент. До последнего оттягивал.

– Сообщение сюда, к вам должно поступить.

Солодкий снова взялся за ручку и к первому имени добавил второе – «Чапель». Лукомор похолодел. Откуда эта сволочь выплыла?

– Сообщение?

– Ваш друг сказал, что у вас могут быть проблемы.

– Из-за сообщения?

– Ну да... Что там да как, я не знаю...

Миша смотрел на него прямо, честными глазами, но Лукомор ему не поверил.

– И что делать?

Солодкий написал еще одно имя и прибавил к нему трехцифренное обозначение, дорисовав к нему решетку. Камера номер двести шестнадцать?..

– Сюда вам надо, к нему, – провел пальцем под именем Миша. – Или пан, или пропал.

Речь шла о Муртазе, который «смотрел» за тюрьмой. Парень он молодой, тридцати еще нет, но уже в законе. До власти пацан дорвался, получил под свой присмотр тюрьму со следственным изолятором в одном флаконе. Дела у молодого вора идут не важно, администрация развернуться ему вроде бы не дает, держит его в «черном теле», но человек старается. Маляву Лукомору заслал, дал понять, что знает о прибытии законного вора. Знает и даже хочет встретиться с ним... Но пока дальше намерений дело не идет...

И Лукомор не искал встречи с Муртазом. Зачем? Ему даже со своей камерой разбираться неохота. Кислый там по-прежнему за «смотрящего», а Лукомор у него вроде почетного гостя. Вроде короля в изгнании, которому принимающая сторона обязана оказывать почет и уважение. Видимость есть, но всерьез его никто не воспринимает. Кислый бы перекрестился на радостях, исчезни Лукомор.

Он бы мог скинуть Кислого с его места, и намерения такие были, но не хватало толчка, чтобы сдвинуть вагон желания в сторону осуществления. Апатия давила на Лукомора, высасывая из него жизненную энергию.

Но теперь все изменится. Сама жизнь заставит его крутиться. Чапель вор старый, злопамятный, на первых ролях в своем клане. Он – славянский вор, а Муртаз представлял грузинскую воровскую общину, там свои течения, но вражды между ними не было. Если между ворами нет войны, они всегда могут договориться друг с другом. Тот же Лукомор знал как со славянами, так и с кавказцами, со всеми у него были нормальные отношения, поэтому никто и не дергает его за корону. Да и Чапель с Беловиком не цеплялись к нему. Тихо все было... Тем более три года назад Беловик загнулся от передоза, остался только Чапель, будь он неладен.

А сейчас вот могла закрутиться карусель.

Надо было договариваться с Чапелем. Лукомор мог встретиться с ним на нейтральной территории, помянуть старое добрым словом, выкурить трубку мира, зарыть топор войны. Но Чапель предпочитал его не замечать, а Лукомор даже слышать о нем не хотел. Как вспыхнул конфликт – еще в прошлом тысячелетии, – так и тлеет до сих пор...

Не так давно Лукомор был под следствием, какое-то время провел в общей камере изолятора, и ничего, нормально все прошло – никто ему не предъявил. Но тогда он был в силе, за него могли очень жестко спросить, а сейчас ситуация иная. Менты расшатали почву под ногами, разогнали его пацанов – кого-то «приняли», кто-то сам под лавку забился. И еще Фраер давит. Возможно, этот гад и спровоцировал обострение конфликта с Чапелем. Вынюхал момент и подложил под него бомбу. Похоже, фитиль уже зажжен, Ипатий просто так бить тревогу не станет...

А ведь надо было послушаться Ипатия. Он говорил, что нужно замирииться с Чапелем. Говорил, а Лукомор его не слушал. И теперь это может ему выйти боком...

– Все?

– Ну, вроде да, – развел руками Солодкий.

Помещение могло прослушиваться, поэтому он не озвучивал имена, а писал их на бумаге и говорил на эзоповом языке. Но Лукомор все понимал. Мише ничего не ясно, а он уже знал, какая беда над ним нависла.

Чапелю заслал маляву в следственный изолятор – Муртаз ее получил. Теперь для «смотрящего» Лукомор – самозванный вор, а раз так, его нужно показательно покарать. Но пока еще не поздно, Лукомор мог попроситься на разговор с Муртазом, объяснить ситуацию. Пусть «смотрящий» отпишет вора, которые не признали постановление Чапеля и Беловика, пусть они дадут ответ. А воры уважаемые, там и русские, и грузины...

Был в начале девяностых годов неприятный момент для воровского мира. Чеченцы внаглую и широким фронтом подминали под себя Москву. Грузинские «законники» пытались объяснить, что дела нужно решать миром, но чеченцы даже слушать их не желали. Славянские воры тоже отступили под натиском «чехов». В Москве тогда начался настоящий беспредел – чеченцы подмяли под себя практически весь бизнес, с их подачи в Грозный уходили сумасшедшие суммы. А потом в Москве появился Слава Япончик. Силой своего авторитета он объединил вокруг себя разрозненные славянские кланы и объявил чеченцам войну. Грузинские воры вроде как сохраняли нейтралитет, но им тоже пришлось поучаствовать в бойне. Чеченцы сопротивлялись, но их давили со всех сторон, пока не выбили из столицы... Веселые времена были, а крови сколько пролилось...

На этой волне Лукомор и поднялся. В девяносто втором году он «откинулся» в ранге законного вора, примкнул к уважаемым людям, которые приняли волю Япончика. Сам он никого не убивал: не положено было по рангу, но карающую руку направлял. Тогда он и команду свою сколотил, и экспортом леса занялся.

Пока шла война с чеченцами, про Чапеля и Беловика ничего не было слышно, они всплыли на горизонте после того, как все улеглось. Они-то и предъявили Лукомору. Вор не должен был заниматься коммерцией, не имел права стоять во главе криминальной бригады. И плевать, что в те времена бандитских бригадиров короновали на раз-два... В общем, подставили они Лукомора, и все потому, что не поделился он с ними. Они тогда с братвой провернули серьезную махинацию с векселями на реализацию, которые поставлялись на «АвтоВАЗ» в обмен на машины. Двадцать четыре «девятки» они тогда взяли, а деньги не вернули. Дескать, их самих кинули, фирма-прокладка во всем виновата... А машины бешеных денег тогда стоили...

Обидно было, воров-«апельсинов» тогда не трогали, сколько из них до сих пор в теме, а Лукомора в зоне короновали, на «больничке», все как положено. За него подписались уважаемые воры, с которыми он знался на этапах и пересылках.

Эти люди подписались за него и после позорного схода, который собрали Чапель и Беловик. Они спросили с этих бакланов, хотя до конца справедливость и не утвердили...

Может, надо было плюнуть тогда на корону? Лукомор бы и без нее Бочаров под себя поставил и жил бы просто как простой криминальный авторитет с тугим кошельком на кармане. И уважали бы его не меньше...

Тот же Ипатий от воровского сана отказался, а ему предлагали. Он два раза мотал срок, причем во всех случаях от «звонка» до «звонка». Он знал массу авторитетных людей, вращался в их среде, более того, сводил одних воров с другими, случалось, даже разводил конфликты между ними. Но во власть он при этом не лез, не желал брать на себя ответственность. Он хотел жить нормально – иметь жену, рожать детей, бизнесом думал заняться. Лукомор помог ему открыть одну автозаправку, другую, дальше он уже двигался по накатанной. Еще не так давно он по праву мог считаться королем бензоколонок, но сейчас, увы, его бизнес трещит по швам – под давлением гигантов нефтерынка. Народ нынче предпочитает отовариваться на заправочных станциях «Лукойла», «ТНК», «Роснефти», а малоизвестные точки обходит стороной. Но Ипатий не жалуется. Он ведь не только легальным бизнесом занимается, у него и всякие темные делишки в арсенале. Заказными убийствами он вроде как не промышляет, но связи у него есть. Как на воле связи есть, так и на «крытом». Не зря же он про движение от Чапеля к Муртазу прознал. Не занимайся он вопросом Лукомора, не просек бы фишку.

- Вроде да или точно все? – Дмитрий Андреевич угрюмо глянул на Мишу.
- Насчет вашего друга? – уточнил тот.
- Насчет моего друга.
- Он больше ничего не говорил...

Ипатий к большим высотам не стремился. Бизнесом своим занимался, на мелких аферах гешефт делал, катраны у него подпольные, девочки на него работают. Жил он в маленьком подмосковном поселке на одной улице со своими приближенными. Тихо жил, не отсвечивал, никому не мешал, поэтому и не трогали его. Но сам он мог тронуть кого угодно. Даже тому же Никиткину вызов бросить мог, в принципе он и собирался это сделать – за деньги, которые получил от Лукомора. Но на самого Никиткина он прыгать не станет, на это и надеяться не стоит. Ипатий мог помочь Лукомору в другом. Он должен обойти всех людей, всех, кто подписался бы за него. Нужна постановочная малява от воров, и чем скорее она будет, тем лучше. Воровская почта процесс долгий, если, конечно, его не ускорить. Ипатий знал, как это сделать, а за деньгами Лукомор не постоит.

– Ты ему скажи. – Он взял бумагу, написал на ней несколько имен. – «Маза» мне нужна, Ипатий поймет.

Сначала сложил лист бумаги в маленький квадрат, затем свернул в трубочку и знаком показал, что нужно сделать с этим жгутом. Вряд ли Мишу будут обыскивать, но лучше бы он пронес этот листок за щекой. А если вдруг опера изымут список, ничего страшного, мир от этого не рухнет...

Солодкий кивнул, уныло глянув на него. Не хотелось ему тащить в рот всякую дрянь, но делать нечего. Хочешь кататься – умей подмахивать...

– И еще мне нужен «кум». – Лукомор поднял правую руку и потер пальцами, собранными в щепотку.

Администрация в СИЗО свою работу знает, изолятор, считай, привела в образцово-показательное состояние. Но все-таки здесь работают люди, а не роботы. А живые люди продаются и покупаются, и не их нужно за это винить, а саму природу человеческого бытия.

Он собирался купить начальника оперативной части. Ему нужен был человек, который поможет взять и утвердить свою власть на зоне. Можно было подключить к этому делу Ипатия, но не та это телега, которую можно перегружать. А Миша мог справиться с таким заданием. Он парень шустрый, язык у него подвешенный, да и давать «на лапу» – знакомое для него дело.

Лукомор уже встречался с майором Гладышевым. Начальник оперативной части сам вызывал его к себе на беседу, задавал вопросы, спрашивал о планах на будущее. Лукомор намекнул ему, что хотел бы договориться с ним о сотрудничестве – в свою пользу, разумеется. Намекнул, с прицелом на конкретное предложение, но Гладышев пресек этот разговор, давая понять, что кабинет прослушивается. Или это было на самом деле, или он просто нашел причину, чтобы отказать Лукомору, так или иначе, в лоб его не прошибешь. Но ведь можно зайти с фланга. Миша пробьет ситуацию вокруг него, выявит уязвимые места в его личной жизни, предложит денежный пластырь на большую мозоль. У каждого человека в личной жизни есть слабина, и вряд ли майор Гладышев – исключение из этого правила...

Даже на Одинцова можно найти проруху. Но Лукомор и не думал связываться с этим псом. Против него рулил УБОП, от Одинцова уже ничего не зависело... Можно было, конечно, его наказать – за то, что вырыл яму под Лукомора, но сейчас даже думать об этом было глупо. Сначала из ямы нужно выбраться, а потом уже...

Глава 5

Парные куриные котлеты – блюдо диетическое, но это куда лучше, чем овсяная каша на воде и обезжиренный творог с жидкой сметаной... Все-таки сдалась Кира, все-таки предложила мужу мясное блюдо. По закону Максим не был ее мужем, а после такого завтрака готов был отправиться в ЗАГС хоть сейчас.

Но отправился он на службу. И в хорошем настроении. И погода сегодня отличная. Небо ясное, прохлада комфортная, а ветер – как теплое дыхание весны.

Развернулась у него душа. Но тут же свернулась, стоило только выехать со двора. Улица перерыта была у самого перекрестка – не проехать. Максим развернул машину, но и на другом перекрестке – такая же беда. Как будто кто-то нарочно напакостил.

Тракторным экскаватором дорогу перерыли, на всю ширину и на глубину одного ковша. Грунт был вынут и уложен в четыре кучи, по две с каждого конца. А посередине чисто – бери толстые доски, перебрасывай их через траншею и проезжай по ним, как по мосту. Может, здесь и планировалось установить временный мост для проезда? Но тогда почему его нет? И зачем вообще дорогу перерыли? Если трубы собираются прокладывать, то где они? К тому же траншеи эти только поперек дороги, где же продолжение? Да и на улице между траншеями как минимум двадцать домов, и почти в каждом дворе машина. Как людям на работу выезжать?

Эти вопросы Одинцов задавал себе, вынимая телефон. В дежурную часть звонить надо, пусть коммунальные службы поднимают, а те устраняют диверсию. Как еще назвать это безобразие?

Он уже набирал номер, когда с перекрестка в его сторону свернул черный джип «Гелендваген». За ним второй. Машина вплотную подъехала к канаве, остановилась. Рядом замерла вторая.

Одинцов уже понял, что происходит – Никиткин с каждым днем борзел все больше. Бежать он не собирался, а пистолет на всякий случай достал. И с предохранителя ствол снял, и затвор передернул. Плевать, кто что подумает. Правда, руку с оружием он опустил.

Сначала из машин вышли рослые парни в черном. Пистолет в руке Одинцова их смутил, но в ответ они оружие доставать не решились.

– Максим Львович, все нормально, вам ничего не угрожает, – сказал плотного сложения мужчина с кривым носом и прямыми залысынами.

Знакомый персонаж – Чернышев Станислав Евгеньевич, начальник личной охраны господина Никиткина. Одинцову приходилось с ним встречаться.

– Да нет, ребята, не нормально. Это я вам угрожаю, – усмехнулся Максим.

Пусть достают оружие, пусть взводят курки, посмотрим, кто кого?.. Он готов был открыть огонь на поражение, и Чернышев прочел это по его глазам. Прочел и смутился. Его люди запросто могли наспиговать майора свинцом, но без потерь среди них точно не обойдется. А потом еще отвечай за гибель сотрудника полиции... Лукомора за одно только покушение сожрали.

– Я так понимаю, у вас проблемы?

– Проблемы у вас, ребята.

Одинцов набрал номер дежурной части и вызвал все свободные на данный момент экипажи патрульно-постовой службы. Никиткин хотел произвести эффект, что ж, он этого добился. Будет эффект... Майор задержит его за хулиганство, оформит на пятнадцать суток, а уж он пусть выкручивается. И выкрутится – причем в пять секунд. Но осадочек от встречи с Одинцовым останется.

Чернышев потрясенно смотрел, как он опускает в карман телефон.

– Ну, чего смотришь?

– Э-э, Леонид Афанасьевич мог бы вас подвезти, – пытаюсь взять себя в руки, сказал начальник охраны.

– Пусть Леонид Афанасьевич вернет все на место, – кивком головы показал себе под ноги Максим. – Думаю, пятнадцать минут ему хватит. Если нет...

Он не договорил, повернулся к Чернышеву спиной и вернулся к своей машине. Не прошло и минуты, как появился Никиткин. Вышел из машины, неторопливо перешагнул через канаву и, стараясь держать марку, направился к Одинцову.

А тот, глядя на него, усмехнулся, вспомнив их первую подобного рода встречу. Они обедали с Ожогиним в кафе, Никиткин подъехал к ним на трех «Гелендвагенах», пустил пыль в глаза, изображая из себя крутого мафиози. Максим тогда сел к нему в машину, вежливо прослушал предложение о сотрудничестве и так же любезно послал его лесом. А потом Никиткин сам бегал за ним – то с одной проблемой, то с другой. И в управление к нему приезжал как проситель... И сейчас вот в машину к нему садится. Мина вроде хорошая, а игра не очень. Неудачная у него прелюдия вышла. Дорогу перерыл, давая понять, что Максиму некуда деваться. К себе в машину хотел позвать, вроде как руку помощи протянул, но сам же и нарвался. Сейчас здесь будет полно полиции, и куда тогда деться Никиткину? Убираться ему нужно отсюда, пока не поздно, а он пытается исправить ситуацию. Дурак. Но дураки бывают умными. И очень опасными...

Дверь Никиткину открыл Чернышев, но в машину он садился так, будто был водителем, которому Одинцов, как инспектор ГИБДД, собирался выписать штраф. Перед «инспектором» он не заискивал, держался с вельможным достоинством, но унижительной была сама ситуация. И Одинцов глянул на него так, будто решал, то ли штраф выписать, то ли простить.

– Ну, здравствуй, Леонид Афанасьевич, – снисходительно улыбнулся он. – Давно не виделись.

– Увиделись, – мрачно буркнул Никиткин.

В его внешности не было ничего угрожающего. Черты лица у него правильные, даже с некоторыми мягкими, аристократическими линиями. Срок он не мотал, в законные воры не просился, в «крестные отцы» криминального мира не рвался, но всерьез считал себя авторитетным мафиози. Для этого у него было все – деньги, власть, связи, сила, ум, хитрость и коварство. Ему не нужно было давить на собеседника, внутренней своей мощью угнетая его волю, он мог просто приговорить его к смерти, а исполнители у него имелись. И, судя по недавним событиям, удары Никиткин наносить умел. Да это и раньше было известно, не зря же Лукомор в свое время согласился подвинуться, уступил ему половину города. Сунул палец в рот, а Никиткин руку по локоть откусил...

– Я знаю, ты у нас благоустройством города занимаешься. – Максим взглядом показал на кучу темно-бурого грунта, из которой смотрел на него, будто подмигивая, большой грязно-белый камень. – Но ты бы не увлекался.

– Ну почему же? Иногда, прежде чем что-то построить, нужно что-то разрушить. Дорогу вот перекопали. Закопают. А потом и асфальт постелим.

– Асфальт – это хорошо, – нехотя кивнул Одинцов. – Но иногда лучше ничего не трогать, чем что-то строить.

– Если бы человек ничего не трогал, он бы до сих пор в каменном веке жил.

– А чем каменный век от нашего отличается? Та же борьба за выживание, те же войны за охотничьи угодья. Или нет?

– Война – двигатель прогресса.

– А если короче?

– Тут одна птичка ко мне залетела... Почту разносят голуби, а слухи сороки, так вот я не пойму, то ли голубь это был, то ли сорока. То ли правда, то ли слух... Ты каких-то типов задержал, пытаешься доказать, что они на меня работают.

- Не работают, – покачал головой Одинцов. Он, конечно же, понял, о ком шел разговор.
- Ну вот видишь... – слегка расслабился Никиткин.
- Уже не работают... А если работают, то против тебя.
- Неужели против меня что-то сказали?
- Если бы сказали, я бы с тобой не здесь сейчас разговаривал. И не так.
- У-у, как страшно!
- Бойся... Ты столько дров наломал, что теперь тебе нужно бояться.
- Чего?
- Я на частные уроки не подписывался. Я на казенном содержании и даю казенные уроки.

Когда тебя на казенную пайку оформят, тогда и поговорим.

– Зря ты так, Одинцов, зря... – задумчиво проговорил Никиткин. – Если ты думаешь, что это я против Лукомора играю... А ты думаешь.

- Я не думаю, я знаю.
- А доказательства?
- Будут доказательства.
- Роешь ты под меня. Я знаю, что роешь. А ведь мы вместе против Лукомора копать

должны.

- И копаем. Вместе. Но по разные стороны песочницы.
- Так я и не претендую на совместные усилия.
- Ты и так со всем отлично справляешься. Лукомор в СИЗО, шансов у него практически

нет.

- Тем более. Лукомор – это вчерашний день.
- Так же, как и ты. И ему здесь не место, и... И тем, кто играет так же грязно, как он.
- Клин вышибают клином. Как только Лукомора не станет, в городе наступит тишь да

гладь.

- Это не ко мне, это к моему начальству, – усмехнулся Одинцов.

Он знал, о чем говорил. Сам начальник УВД покровительствовал Никиткину. Правда, полковник Саньков осторожничал, на рожон не лез и Максима на откровенный разговор не вызывал. Не те сейчас времена, когда можно было так вот просто закрыть уголовное дело в угоду сильному миру сего. Тем более Сколков и Пинчук попались в милицейской форме, на которую не имели прав, а это само по себе уже резонансное дело. К тому же в городе рыщут «волкодавы» из областного УБОПа, работают следователи из Москвы. Одинцов эксплуатирует их интерес к Никиткину, но, похоже, они об этом не очень догадываются. Если дать им наводку на Фраера, они могут наброситься на него самого. И на Санькова вместе с ним...

Но Саньков понимает, под кого роет майор. Он хоть и осторожничает, но сигнал Фраеру подал, и тот уже в действии. А начал Никиткин с предупредительного разговора, который приподнес на блюдечке с отрытой экскаватором канавой-каемочкой.

– Ну, с твоим начальством я договорюсь. Но мне нужно, чтобы ты уговорился. А то вдругпустишь следствие по ложному пути.

- Ну да, на Кустарева лукоморские покушались, а не твои, – скривил губы Максим.

– Так и было. А ты пытаешься доказать обратное.

– Я пытаюсь доказать правду.

– Ты пытаешься доказать свою ошибку. Эта твоя ошибка может мне дорого встать, ты меня понимаешь?

– Суд разберется, ошибка это или нет.

– Твоя ошибка может встать мне поперек горла. И мне. И тебе... Ты же видишь, я хочу решить с тобой вопрос по-хорошему...

– Вопрос нужно решать по закону.

– Закон – это дубина о двух концах. Она ведь и тебя ударить может. И тебя... И твоих близких...

Одинцов резко глянул на Никиткина, но тот даже бровью не повел. А родные у Максима были, прежде всего дочь от первого и пока единственного брака. С ней не должно ничего случиться...

– Зря ты об этом сказал, Фраер, – сквозь зубы выдавил он.

Никиткин возмущенно нахмурил брови: не нравилась ему эта кличка. Но Максим нарочно к нему так обратился, чтобы вывести из себя.

– Если с моими родными вдруг что-то случится, ответишь ты.

– Перешел на пустые угрозы? – взяв себя в руки, усмехнулся Никиткин.

– Это не пустые угрозы. Я на преступление пойду, чтобы с тебя спросить. На любое преступление. И спрошу. Очень жестоко спрошу. Я живучий. И руки у меня длинные, надо будет, с того света дотянусь...

Одинцов едва сдерживал себя, он рвался вцепиться в подлеца прямо сейчас, заполняя пространство злой, агрессивной силой. Никиткин уже пожалел о своей угрозе.

– Нервный ты какой-то, майор, то за ствол хватаешься, то на пену исходишь.

– Зря ты про родных сказал. – Максим зажмурился, с силой сжимая кулаки, и стиснул зубы. – Ох и зря... Давай иди отсюда. Прошу, не доводи до греха. – Казалось, еще мгновение, и он взорвется.

– Ну, мы с тобой договорились! – с важным видом, но без всякой уверенности в голосе изрек Никиткин и поспешил исчезнуть.

А Максим остался сидеть в машине, внутри у него все бурлило. В чувство майора привел старший патрульно-постового наряда. К месту подъехали сразу две машины, но Никиткин со своей свитой успел очистить пространство перед канавой. Зато появился трактор с ковшем экскаватора.

Одинцов отпустил патрульных, дождался, когда восстановят проезд, и продолжил путь на своей машине.

Он не дурак, все прекрасно понимал. Не пойдет Сколков на сотрудничество, не сдаст он Никиткина. Похищения не было, за незаконный ствол и поддельное удостоверение он получит максимум четыре года, отбудет половину где-нибудь на поселении с мягким режимом и условно-досрочно выйдет на свободу. И еще денег заработает за свое молчание. А если сдаст Никиткина, то его жизнь превратится в долгое и полное лишений скитание, и это в лучшем случае, если нет, то его заруют где-нибудь под трубопроводным мостом, как это было с Мишей Веселым...

Никиткина сдать мог Леша Татаринцов, но как его найти? Не зря же он сбежал, узнав о гибели Веселого. Значит, знал что-то... Но чтобы Татарина допросить, его сначала нужно взять, а с этим проблемы. Розыск пока никаких результатов не дал. Или парень на дно плотно залег, или Никиткин его уже нашел...

Нет у Одинцова улик против Фраера, и не факт, что будут. И еще Саньков дышит в спину... Он и сам, в общем-то, склонялся к тому, чтобы оставить Никиткина в покое. Пусть владеет всем городом, если ему хочется, пусть тешит свое самолюбие, раз в детстве не наигрался. Что с Лукомором он будет Бочаров делить, что без него править бал, в принципе без разницы... Но зачем Фраер вызвал его на этот разговор? Зачем замахнулся на святое?..

Максим заехал в управление, собрал подчиненных, провел совещание и, не извещая о том Санькова, отправился в следственный изолятор, в котором находился Лукомор. Чутье подсказывало, что Фраер нанес удар и в этом направлении. Не переживал он за Лукомора, и не было желания помогать ему, но так вдруг захотелось сломать игру одному самодовольному болвану...

Глава 6

Матрас валялся на полу в проходе между скамей и шконками. Простыня под ним, одеяло, подушка. Сумка рядом лежит.

Это его, Лукомора, матрас, какая-то мразь скинула его со шконки, пока он был на прогулке.

– Что-то я не понял! – возмущенно протянул Кислый.

С его шконкой ничего не случилось, а на месте Лукомора сидел какой-то чернявый тип с длинным и широким носом.

На улице потеплело, а батареи топят как зимой. Не сказать, что в камере жарко, но можно запросто ходить без футболки. И голый торс наглеца не должен был удивлять, если бы не выколотые на его плечах восьмиконечные звезды – знак высшей воровской власти. Такие наколки мог позволить себе только законный вор.

А парень молодой. И на грузина очень похож. Неужели Муртаз?.. Ну вот и начался концерт по заявкам заклятых друзей... С резкой ноты начался, с опасной.

Муртаз выглядел внушительно. Крепкая голова в монолите с мощной борцовской шеей, покатые плечи, накачанные руки... Видно, парень борьбой серьезно занимался. Классической, вольной, греко-римской, без разницы какой, в любом случае одолеть его будет очень сложно. Если эта победа над ним вообще возможна.

Вор был не один, справа от него маячил здоровенный «бык». Черные пышные брови сливались на широкой переносице в одну линию, образуя мост между скальными выступами над глазами. А глаза страшные, пышущие дикой злобой. «Бык» даже не сдвинулся с места, просто глянул на Кислого, и тот шарахнулся от него, как лошадь от волчьего запаха. Остальные арестанты просто стояли, не решаясь разбрестись по своим местам.

И сам Лукомор стоял, в оцепенении глядя на это безобразие. Это его постель валялась на полу, это по нему нанесли удар. А Муртаз и его «бык» – реальная сила, в одиночку с такой не сладить. Кислый со своими дружками – не подмога, не попрут они против силы с воровскими звездами на плечах, не хватит у них духу... Ребята они простые, одного за банальную драку закрыли, другого за взятку, третий со своего завода машину цемента вывез. Для них криминальные разборки – это что-то такое же далекое, как марсианское нашествие. Тем более такого уровня разборки – вор против вора.

– Ты «смотрящий»? – пристально глядя на Кислого, спросил Муртаз.

Он неторопливо, по-хозяйски важно сел за стол, «бык» подал ему сигарету, щелкнул зажигалкой. Лукомора он даже не замечал, хотя наверняка знал о нем. Играет Муртаз, в кошки-мышки играет...

Лукомор кивнул, глядя на него. Пусть играет, не надо ему пока мешать.

А игра по-крупному идет. «Контролер» не просто так стоит в коридоре, он должен постоянно отслеживать ситуацию в камерах, докладывать о беспорядках. Ситуация конфликтная, но за дверью никаких движений. Да и Муртаз попал в камеру неспроста. Все-таки есть у него какая-то власть на зоне.

– Ну, я, – кивнул Кислый.

– Кто тебе постанову давал?

– Ну, мы тут сами...

– Я должен был постанову дать. Я за тюрьмой смотрю. Я здесь все решаю... А за это дело извини! – Муртаз небрежно кивнул на сброшенный матрас. – Гбра перенести хотел, да не удержал...

– Это не мое, – растерянно покосился на Лукомора Кислый.

И Муртаз посмотрел на него. С хищной усмешкой посмотрел. Он ждал, когда Лукомор объявится. Ждал, чтобы «зачморить» его – обвинить в трусости, спровоцировать конфликт и на пару со своим Горой пустить в замес.

– Это моя скатка, – выдал из себя Лукомор. Он понимал, чем все это может для него закончиться, но и молчать не мог.

– Все равно, извини, старый.

Лукомор покачал головой. Случай сейчас такой, что извинения только с кровью врага принять можно. И Муртаз очень хорошо это понимает...

– Я сказал, извини, старый! – нахмурился наглец.

Качая головой, Лукомор подошел к столу, сел. Гбра резко шагнул к нему, оскалив желтые с гнильцой зубы, но Дмитрий Андреевич как будто и не заметил этого.

– Я не Старый. Старый меня короновал. Старый – нэмпановский вор, настоящий босяк. Он бы с таким бакланом, как ты, разговаривать не стал...

Гора угрожающе дернулся, навис над Лукомором, по-медвежьки вскинув лапы, зарычал, исторгая зловонное дыхание. Муртаз удержал его в самый последний момент:

– Ша!

«Бык» сдал назад, но руки не опустил, по-прежнему готовый обрушиться на Лукомора.

– Тебя короновали?

– Я – Лукомор.

– Лукомор?! – всполошился Муртаз. – «Косяк» вышел! Дмитрий Андреевич, вы уж меня извините!.. Гбра!

Громила кивнул, опустил руки, схватил матрас и бросил его на свободную шконку, которая стояла у самого «дальняка». А ведь в камере было еще четыре свободные шконки. Сегодня утром сразу двоих забрали – с вещами.

– Куда? – Муртаз показал взглядом на место, которое занял сам.

Чтобы вернуть матрас на законное место, Горе пришлось переместить своего босса – на шконку Кислого.

– Накладка вышла, Дмитрий Андреевич! – Муртаз виновато приложил руки к груди. – Я думал, вы в двести четырнадцатой камере! А вы, оказывается, в триста четырнадцатой! Я даже маляву к вам засылал! Надо же так лажануться!

– Я должен тебя простить? – проницательно глядя на Муртаза, проговорил Лукомор.

– Вы должны меня понять! Я в законе! Я должен был занять козырное место!

– Я должен тебя понять, – усмехнулся Лукомор, – и простить. – Он с едким прищуром глянул на бывшего «смотрящего»: – Кислый, такой «косяк» прощается?

Тот в ответ покачал головой.

– Все правильно, такой «косяк» не прощается. Грош мне цена, Муртаз, если я тебя прошу... Но тебе же не нужно мое прощение? Тебе нужно мое унижение, да, Муртаз?

– Что ты такое говоришь, Дмитрий Андреевич? – хищно сощурился «пиковый» вор.

– Я в этой жизни многое повидал. И многое знаю. И тебя, пацан, просчитал на раз-два. Сначала ты меня унизишь, потом посмеешься. И скажешь, что я не могу быть вором, что Чапель правду отписал, не вор я...

Муртаз набычился, глаза его налились кровью.

– А ты вор?

Лукомор с усмешкой смотрел на него. Все-таки раскусил он Муртаза и даже загнал его в яму, из которой его львиный рык похож на баранье бляенье. Не с той ноты Муртаз развод начал. На такой мякине лохов разводят, а не стреляных воробьев.

– Я – вор и тебя, Муртаз, не прошу.

– Ты не вор! Ты сухарь! – вскипел «пиковый».

– Чапель маляву загнал? – хмыкнул Лукомор.

– Я Чапеля знаю! Он реальный вор!

– Реальным может быть пацан, а вор может быть правильным. Честным, правильным... И еще вор может быть «апельсиновым»... Я знаю, какой ты вор, но не буду тебе предъявлять. Я знаю законы, знаю, как все это делается, а ты меня тут на фуфлю развести хотел... Будет сход, я тебе предъявлю. Постановит он – я тебя закончу. – Лукомор пристально смотрел на Муртаза, чувствуя, как его душа прогибается под мощью взгляда.

Не с той руки сделал ход Муртаз, поэтому оказался в матовой ситуации. На словах Лукомор выиграл вчистую, будь рядом с ним «правильные» люди, они бы это подтвердили. Но не было с ним никого. Кислый со своими мужиками не в счет, он в эту свару точно ввязываться не будет. И Муртаз на «серую масть» не надеялся, он делал ставку на себя и на Гору. Обычные арестанты здесь – всего лишь массовка. И в перспективе – свидетели его «справедливой» правилки...

Лукомор мог выиграть на словах сто, тысячу раз, но, пока за ним нет реальной силы, в этой схватке верх ему не взять. Если менты не вмешаются, его могут и «опустить». А «опущенный» не может быть вором по определению. Никто не подпишется за «опущенного», и некому будет ставить Муртазу на понятия... А менты не вмешаются. Пока не выйдет выкупленное у них время, не вмешаются.

– Ты меня закончишь? А может, раз на раз давай? – играя мышцами, ретиво спросил «пиковый».

Лукомор шархнулся от него как от чумного. Наигранно шархнулся, с презрительной ухмылкой на лице.

Интересно знать, кто короновал этого баклана? Детский сад какой-то, а не вор... Но именно поэтому и опасен Муртаз. Глупость, она порой страшнее автомата. А если это глупость, помноженная на тупую физическую силу, тогда дело и вовсе дрянь.

Плохи дела в стане грузинских воров, кланов много, а «рыбных» мест с каждым годом все меньше, отсюда конкуренция и даже вражда. Сила клана определяется количеством законных воров, которые в него входят. Настоящий бродяга – товар штучный, созданный неволей и закаленный в лагерных морозах. Грузинские бонзы это понимают, но все-таки включают штамповальный станок. Лукомор знал случай, когда на одном сходе короновали сразу полсотни воров. Мыслимое ли это дело? Но факт оставался фактом.

Муртаз, видимо, из такой полусотни. Вор-скороспелка, «апельсин», все это понятно. Но ведь он вращался среди прожженных воров, он должен знать законы, правила этикета, а сам машет языком, как безмозглый баклан – крыльями.

– Я слышал, тебя Тифлис короновал, – с упреком качая головой, сказал Лукомор.

– Ну! – Муртаз дернулся, как будто ему наступили на большую мозоль.

– Я его знаю... И он меня знает... И людей знаю, которые за меня встанут... Не снимали с меня корону. Для этого сход нужен, а Чапель устроил балаган. Его за это спросили. С тех пор мы на ножах... Скажи, Муртаз, у тебя есть враги?

– Э-э... Ну, есть!

– И у меня есть враги, и у Тифлиса есть. У нас с ним были общие враги. С чеченами у нас «рамсы» были, ты в это время пешком под столом ходил...

– С чеченами?

– Слава Япончик «мазу» в этом деле держал... Ты у Тифлиса спроси, он знает, кто такой Япончик!

– Эй, ты че! Я знаю, кто такой Япончик!

– А я с ним работал... И Тифлис был...

Где был в это время вор по кличке Тифлис, Лукомор, честно говоря, не знал. Он о нем краем уха слышал, тогда, в девяносто втором году, и слышал. И сам Тифлис мог о нем слышать.

И том «косяке», который упорили Чапель и Беловик, тоже мог слышать... В любом случае Муртаза нужно было отослать к его «крестному» и на этом выиграть время.

Уж очень не нравилось Лукомору, как смотрел на него Гора. Бешеный у него взгляд, безумный. Если в Муртазе хотя бы слегка просматривался здравый смысл, то этот – полная невменяемость. Его совершенно не волновало, кто такой Лукомор. Будет команда «фас», и он порвет любого, хоть самого Деда Хасана.

– Молодой ты еще пацан, резвый и доверчивый. Нельзя так. – Лукомор не зло, но с осуждением качал головой. – Сначала разобраться надо, а потом уже предьявлять... Цирк здесь устроил... Кто тебя научил? Чапель? Он может. Он старый волк, его так просто не прочитаешь. А тебя насквозь видно... Зря ты со мной так...

– Как?

– По беспределу!

– Я знаю Чапеля! – осатанело глядя на него, сквозь зубы проговорил Муртаз. – Если он сказал, то это правда!

Он уже понял, в какое дерьмо вляпался, и знал, что с ним за это могут сделать. Тот же Тифлис мог спросить с него за то фуфло, которое он здесь развел. Воровской мир – это не детский сад, здесь в наказание не в угол ставят, а на «правилку». Сначала по ушам, а потом под ребро – ножом... Муртаз все понимал, поэтому он пойдет до конца. Тут или пан, или пропал...

– Нет на тебе короны, а ты вором назвался! За такие дела на нож ставят! – сквозь зубы цедил он. Разума в его глазах уже не было, сплошной сумрак в них. Сумрак из палаты номер шесть.

Но Горе плевать, он сорвал с себя последнюю цепь, собираясь наброситься на Лукомора, и, похоже, уже не нуждался в команде «фас».

Но и это было еще не все. На сторону Муртаза перешел вдруг бородатый Нагель со своими четками. Если Кислый принял волю Лукомора спокойно, без возражений, то этот, казалось, только и ждал момента, чтобы подставить ему подножку. И дождался.

Нагель мог напасть со спины... Впрочем, и без него шансов у Лукомора не было. С Муртазом еще можно потягаться, и то не факт...

– Ну, давай! – Он поднялся, встал так, чтобы Нагель не смог зайти со спины.

Первым в атаку ринется Гора, его нужно встретить ударом в глаза, «шифты» загасить... А дальше – как получится...

Муртаз выразительно глянул на своего «быка». Ну вот и все...

Лукомор бросил взгляд на Кислого – так утопающий хватается за соломинку. Кислый все понял и едва заметно качнул головой. Нет, не собирался он вписываться за него. Качнул головой и опустил голову. И его дружки стыдливо спрятали глаза.

Зато Гора ничего не стыдился. Бешено выпучив глаза, он провел пальцем по горлу. Все, Лукомор приговорен, и спасти его может только чудо.

И чудо произошло. Дверь в камеру вдруг открылась, и Гора сдал назад.

Возможно, это была подстава. Сейчас дверь откроется, «контролер» спросит, как дела, все скажут, что все нормально, и один только Лукомор подаст сигнал тревоги, а это непростибельный для вора «косяк». Нельзя ломиться из камеры, обращаться за помощью к ментам. Это крест на всю жизнь...

В камеру действительно заглянул «контролер».

– Почему не расходимся? – смущенно глянув на Лукомора, спросил он.

Гора сел на скамейку, опустил голову, подперев ее рукой. Арестанты, толпящиеся у дверей, стали расходиться по своим местам. А Лукомор остался стоять. Ни слова он никому не скажет, как только за надзирателем закроется дверь, сразу атакует Гору, пока тот не поднялся с места. Ложка лежит на столе, а в умелых руках – это страшное оружие. Черенок не заточен,

но его запросто можно воткнуть в глаз. Пока Гора будет выходить из шока, той же ложкой можно ударить Муртаза. Вдруг повезет?..

Бить никого не пришлось. «Контролер» вышел, но дверь закрыл не сразу, а лишь после того, как в камере появились новые арестанты.

Лукомор едва сдержал стон радости. В камеру входили бойцы из личной свиты Вити Полоскова – Леня Зацеп и Алик Жадный. Лукомор хорошо знал этих парней, они сопровождали его на выездах, когда требовалась дополнительная охрана. Оба плотного телосложения, а бойцовские качества у них на высшем уровне. Лукомор сам видел их в бою, причем в поединке без правил...

– Дмитрий Андреевич! – Леня обрадовался ему как отцу родному.

И Алик просиял, толкнув плечом своего друга.

– Ну, здорово, братва!

Никогда бы не подумал Лукомор, что будет так рад этим парням. Раньше они были всего лишь штатными единицами в его системе, а сейчас он смотрел на них как на родных сыновей после долгой разлуки. Правда, обниматься с ними не стал, но руку пожал каждому. Крепко пожал, до хруста в костяшках.

Надо было видеть, как смотрел на них Муртаз. Он был похож на черта, под носом у которого раскуривали ладан. И Гора выглядел озадаченно, хотя духом не падал. Громила по-прежнему рвался в бой, хотя и понимал, что шансы на успех уже далеко не те...

А Нагель сдулся, как плевок. Вжав голову в плечи, опустив глаза, он бочком-бочком подступил к своей койке и сел. Лучше пусть сразу лезет под шконку, там ему самое место...

– Какими судьбами? – спросил Лукомор.

– Да вот, с хаты выдернули, сюда привели, – сказал Алик. – А я думаю, зачем...

– И меня выдернули, в продоле с Аликом пересеклись... Дмитрий Андреевич, у вас тут «рамсы», по ходу. – Леня свирепо сощурил глаза, глядя на Муртаза.

Парень учуял неладное. И еще он понял, что к Лукомору в камеру его перевели не просто так.

И Лукомор это понимал. Кто-то дернул за одну ниточку, натравливая на него Муртаза, а кто-то – за другую, выравнивая чаши на весах... Неужели Миша Солодкий успел решить вопрос с «кумом»? Но разговор с ним был только вчера, а такие дела быстро не делаются... Но Миша шустрый малый, и Пекарь пока еще способен раскошелиться на большую сумму. Впрочем, некогда было разбираться, кто и за что дернул, надо было решать вопрос с Муртазом, а то заигрался «апельсин» во взрослые игры...

– Вовремя вы, ребята, подъехали. Без вас мне проблемы не решить... «Косяк» за тобой, Муртаз!

– А малява у меня была!

– Будет тебе малява! С полной постановой! И сход будет! И по ушам получишь! Узнаешь, как это делается. Я не узнал, а ты узнаешь...

– Ну, если Чапель меня подставил... – поплыл Муртаз.

Лукомор презрительно скривился. «Апельсин» заметался в поисках выхода, он уже не прочь выбросить белый флаг, но щадить его желания не было. Будь у Лукомора воля, он бы «замочил» этого недоумка прямо сейчас. Да, Муртаз крепкий орешек, и его «бык» – силища, но Лукомор их уже не боялся. С ним два крутых бойца, и сам он еще способен на многое, втроем они справятся с этими уродами. Но каким бы скороспелкой ни был Муртаз, он законный вор, и решать с ним должен сход. И с ним самим тоже. Надо ставить вопрос, стряхивать пыль с прошлого, обелять себя и очернять Чапеля. Ресурсы у Лукомора есть, желание выкрутиться – тем более. Он выкрутится, есть в этом уверенность. А утопят Муртаза или нет, это уже не так важно. Главное, что этот черт сдал назад. Главное, что Лукомор обрел реальную силу в лице своих бойцов. Главное, что он смог отвоевать плацдарм для наступления...

– Ты сам себя подставил, Муртаз. Детский сад здесь развел, соплями все забрызгал...

– Ну да, нехорошо вышло, – согласился «апельсин».

– Сход решит, где хорошо, где плохо. С тобой – только через сход, а с этим «бакланом» я сам решу, – зло глянул на Гору Лукомор. – Этот «баклан» руку на вора поднял. На законного вора. Ему прощения нет.

Громила не выдержал его взгляд, внутренне сжался, но из груди вырвался предупредительный рык. Гора готов был драться за себя насмерть. За себя... Он уже сейчас чувствовал, что на Муртаза можно не надеяться, не захочет его молодой пахан обострять отношения с воровским миром из-за какого-то «быка».

– И что ты сделаешь? – Муртаз напряженно смотрел на Лукомора. Он изображал хорошую мину, но игра шла плохо, и это чувствовали все, не только он один.

– Ну, беспредела не будет. Как решит «смотрящий», так и будет. Решит он «опустить» этого «баклана» – «опустим». Решит отпустить – отпустим...

– Я здесь «смотрящий».

– Ты за тюрьмой смотришь. Но тут такое дело, что я тебя не признаю. Мне постанова нужна, мне объяснить должны, кто ты такой, кто тебя на положение ставил. Ты, Муртаз, этого мне объяснить не смог, поэтому я тебя не знаю. Так что за этой хатой ты смотреть не можешь, здесь я решаю, кто смотреть будет.

– Я за этой хатой смотреть буду, – вдруг заговорил Леня. – Я законный вор, у меня право на такую постанова. Если кто-то против, пусть скажет слово и пусть его обоснует... Или ты предъявишь мне слово Чапеля?

«Пиковый скороспел» не знал, что делать. Лукомор вынес по нему решение на сход, это его вполне устраивало. Но если Муртаз вдруг предъявит маляву от Чапеля, может последовать неконтролируемая реакция. Как бы ему в действительности не пришлось туго...

– Ты много на себя берешь, Лукомор! – сквозь зубы процедил он.

Муртаз чувствовал себя волком, загнанным в угол, но и сдаваться не собирался. Превосходства за ним больше не было, но его сила никуда не делась. И сам он с усами, и Гора с ним...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.